

— Во всяком случае, Цзюньцзюнь здесь всё равно не живет, — терпеливо произнес Ян Имин. — Как только он уйдет, дядя приберется в комнате, и зараза к тебе не перекинется.

— Но он ведь не должен занимать дядину комнату! Иначе заразит дядю.

— Верно, дядя тоже боится заразиться.

Сюй Чжуцзюнь немного подумала и, наконец, сочла вопрос исчерпанным. Она сказала:

— Ну ладно... А теперь отойди, ты загораживаешь мне весь теннис.

Ян Имин сдержал вздох и поднялся.

За деревянной дверью Дин Цзыму, обхватив себя одеялом, безучастно сидел на кровати. Ему было невыносимо холодно.

Ян Имин прикинул время, взял подогретую говяжью кашу и толкнул дверь в гостевую спальню. Сюй Чжуцзюнь тут же бросила джойстик и подбежала к нему.

— Иди играй дальше, — Ян Имин придержал девочку. — Тебе сюда нельзя. Если заразишься, твоя мама живьем меня съест.

— Не съест, — Сюй Чжуцзюнь с силой отпихнула Яна. — Дядя, от тебя так пахнет, что мама и близко не подойдет.

Ян Имин в сердцах постучал костяшками пальцев по голове племянницы.

Дверь распахнулась. Внутри было темно, занавески колыхались на ветру, в комнату врвался холодный влажный воздух.

— Дин Цзыму, ты с ума сошел? Зачем открыл окно! — Ян Имин с размаху поставил миску на комод и в несколько шагов подлетел к окну, чтобы закрыть его. — Ты же болеешь, понимаешь?

Дин Цзыму, закутавшись в одеяло, прислонился к изголовью и тихо ответил:

— Мне показалось... стало душно, хотел проветрить.

— Проветривать можно и по-другому, — Ян Имин подошел и приложил ладонь к его лбу.

Температура спала — видимо, жаропонижающее подействовало. — Как долго оно было открыто? Здесь же ледяной холод! А если болезнь обострится?

Дин Цыму промолчал. Ян Имин сердито включил свет.

Сюй Чжуцзюнь стояла в ногах кровати и смотрела на Дин Цыму, который зажмурился от внезапного яркого света:

— Братик, ты заболел?

Дин Цыму кивнул.

— А ты кто?

Он не знал, как правильно ответить, поэтому Ян Имин подсказал:

— Это студент дяди.

Ян Имин протянул кашу Дин Цыму и указал на Сюй Чжуцзюнь:

— Помнишь ее? Мы виделись в парке развлечений.

Дин Цыму то кивал, то качал головой. Смущенно улыбнувшись, он пробормотал:

— Случай помню, а вот человека...

Ян Имин ободряюще улыбнулся и сказал девочке:

— Цзюньцзюнь, помнишь того красивого старшего брата, который дал дяде лекарство в парке? Это он.

— А, вспомнила! — захлопала в ладоши Сюй Чжуцзюнь. — Ты тот самый очень-очень красивый старший брат!

Дин Цыму вспыхнул и почувствовал себя крайне неловко.

— И правда красавец, — Ян Имин протянул ему миску, подшучивая: — Ну что, красавчик, доедай кашу и пей лекарство. — Затем он подтолкнул племянницу к выходу: — Цзюньцзюнь, иди играй, не мешай нам.

Любопытство девочки было удовлетворено, и она убежала обратно к приставке. Дин Цыму проводил ее взглядом, плотно сжав губы.

Ян Имин сел на край кровати и негромко произнес:

— Дин Цыму, знаешь, что в людях, изучающих психологию, больше всего раздражает?

Дин Цыму покачал головой.

— Многие говорят, что при общении с психологами чувствуешь себя как на ладони, будто у тебя нет никаких секретов.

— Это правда? — Дин Цыму опустил глаза, не решаясь посмотреть на Яна.

— Чушь собачья! — Ян Имин пренебрежительно махнул рукой. — У нас нет телепатии. Наше понимание психологии строится на долгих беседах и научных тестах. А всякая мистика существует только в американских сериалах.

Дин Цыму не совсем понимал, к чему клонит собеседник, и вопросительно посмотрел на него.

— Я хочу сказать, что если ты будешь что-то скрывать от меня, я не смогу тебе помочь. Если ты будешь настороже, мои консультации принесут лишь вред и твое состояние только ухудшится.

— Я верю вам, — поспешно сказал Дин Цыму. — Правда, учитель Ян, я вам доверяю.

— Тогда скажи честно: зачем ты открыл окно?

Дин Цыму замолчал.

Ян Имин тоже молчал, упрямо глядя на него. Прошла минута, другая, и Дин Цыму наконец не выдержал. Он отставил миску, поднял голову и признался:

— Я... я боялся, что заражу вас.

— Ты что, соревнуешься с пятилетним ребенком?

Дин Цыму покачал головой:

— Нет, я просто... простуда заразна...

— Когда Цзюньцзюнь было два с половиной года, она указывала на моего зятя и говорила: Уходи, не смей заходить к маме! А еще: Мама — моя, папа, уходи скорее! Если бы мой зять был таким же серьезным, как ты, он бы уже восемьсот раз с крыши прыгнул.

— Я не это имел в виду.

— Неважно, что ты имел в виду. Сейчас ты — больной. Первое, о чем должен думать пациент — как поправиться, остальное — бред. — Ян Имин подался вперед и серьезно добавил: — Дин Цзыму, человек должен чаще думать о себе.

Дин Цзыму молчал.

— Я не учу тебя быть эгоистом, — продолжил Ян Имин. — Но ты должен понять: прежде чем заботиться о других, нужно позаботиться о своей безопасности. Выживание — превыше всего. Только когда ты твердо стоишь на ногах, у тебя появляются силы помогать другим и право думать об их благе.

Дин Цзыму кивнул, но ему было непривычно так поступать. Всю сознательную жизнь он следовал правилу: не мешай другим. Пока ты не создаешь проблем, всегда можно найти укромный уголок. Но если действительно начать думать о себе... Дин Цзыму горько усмехнулся. Как это вообще — думать о себе?

— Дин Цзыму, — позвал Ян Имин, — скажи, чего ты хочешь сейчас, помимо выздоровления?

Дин Цзыму нахмурился, стараясь сосредоточиться, а потом покачал головой:

— Не знаю.

— Как это не знаешь? Ну, например, выиграть пять миллионов в лотерею, чтобы тебя полюбила богатая наследница... Должно же быть хоть что-то, чего ты хочешь?

— Хочу... — он помедлил. — Хочу открыть кондитерскую.

— Ого! — Ян Имин преувеличенно изумился. — Для этого тебе сначала придется выиграть в лотерею. Ты знаешь, сколько стоит открыть кондитерскую?

Дин Цзыму смущенно улыбнулся:

— Я просто помечтал. Знаю, что не потяну.

— Почему нет? — возразил Ян Имин. — Когда я учился, хотел поступить на психологический

факультет педуниверситета, так наш классный руководитель сказал: Если ты поступишь, то наш отличник прямиком в Кембридж попадет. И что в итоге? Я поступил, а наш отличник — в университет Цинхуа.

— Как здорово, — вздохнул Дин Цзыму. — А я в университете не учился.

— Да и ладно, — Ян Имин вздохнул. — Честно, я не издеваюсь и не сочувствую. Знаешь, ради диплома я потратил десять лучших лет своей жизни: три года старшей школы, четыре бакалавриата, три магистратуры. Только книги, книги и книги. И что в итоге? Сейчас я зарабатываю куда меньше тех, кто закончил обычный вуз и сразу пошел работать.

— Но у тебя есть знания, ты понимаешь людей, ты можешь помочь многим.

— На самом деле, не так много людей нуждаются в моей помощи.

— Я нуждаюсь.

Эти три слова прозвучали так твердо, что эхом отозвались в сердце Яна. Он внезапно ощутил груз ответственности: казалось, этот человек доверил ему всю свою дальнейшую жизнь. Ян Имин понял, что обязан помочь ему, обязан его вылечить.

Ян Имин откашлялся и сказал:

— Тогда учись говорить мне правду. Все, что у тебя на душе, включая то, что ты никогда и никому не решился бы рассказать.

— Это немного... сложно, — нерешительно произнес Дин Цзыму. — Некоторые вещи я просто не знаю, как выразить.

— Ничего, мы не спешим. — Ян Имин подмигнул с хитринкой. — Давай для начала скажи мне что-нибудь сокровенное.

— Что именно? — Дин Цзыму смотрел на него с ожиданием.

— Ты еще хочешь есть?

— Э-э... — Дин Цзыму опешил, а потом вдруг рассмеялся. — Хочу.

— Вот и молодец! — Ян Имин взъерошил его растрепанные волосы. — Каша еще осталась, пойду принесу.

Дин Цзыму застыл на кровати, касаясь своих волос и глядя вслед уходящему Яну. За свои двадцать с лишним лет он не мог припомнить, чтобы кто-то проявлял к нему такую теплоту. Сердце забилося чаще.

Около девяти вечера смертельно уставшую Сюй Чжуцзюнь забрал Ян Шуанмин. Перед уходом он многозначительно покосился на дверь гостевой спальни:

— С чего это ты стал таким добряком?

— Я всегда был добрым, иначе бы потребовал с тебя деньги за еду. Твоя голубая кошечка-принцесса ест за троих!

— А как же твой принцип «три самопроверки Яна»? — бросил напоследок Шуанмин и, подхватив Сюй Чжуцзюнь, зацокала каблуками прочь.

Ян Имин на мгновение лишился дара речи. У него на языке вертелось множество оправданий: какой Дин Цзыму красивый, как приятно на него смотреть; какой он несчастный; какая у него научная ценность; а если вылечить его — придет и слава, и деньги. Сплошная выгода! Разве принципы можно намазать на хлеб?

Но все эти аргументы застряли в горле. Единственное, что он смог выдавить, было:

— А мне просто хочется!

На следующее утро перед уходом Ян Имин снова измерил температуру Дин Цзыму. Тот клялся, что уже здоров, но Ян заставил его принять лекарство и снова лечь в постель.

— Спасибо, учитель Ян, — сказал Дин Цзыму, укрываясь одеялом. — Простите за беспокойство.

Ян Имин уже собирался уходить, но остановился:

— Дин Цзыму, ты правда считаешь, что доставляешь мне беспокойство?

Дин Цзыму кивнул.

— На самом деле, ты меня от него избавляешь, — ответил Ян. — Смотри: ты помогал мне, а

потом заболел. Если бы ты не пришел ко мне, мне пришлось бы мотаться в твой дом-развалину, чтобы ухаживать за тобой. Вот это было бы беспокойство! А сейчас ты здесь: я спокойно работаю, а возвращаясь домой, могу присмотреть за тобой и проводить терапию. Никаких лишних поездок — сплошное удобство. Полностью соответствует моему принципу.

Дин Цзыму чувствовал, что в этой логике что-то не так, но не мог понять, что именно.

— Так что не думай, что ты кому-то мешаешь. Скажу честно: если мы сами живем хорошо, то и другим проблем не создаем. А если случилась беда — нужно просто и открыто принять помощь. Вот и всё. Понятно?

— Понятно... — у Дин Цзыму немного кружилась голова, но суть он уловил.

— Если коротко: я помогаю тебе, потому что мне так хочется. Не отказывайся, не делай мне неприятно.

Дин Цзыму покраснел. Он не знал, почему, но на душе стало легко.

— Сегодня отлежись, вернусь часов в шесть. — Ян Имин указал на холодильник: — На двери висят номера доставок. Если проголодаешься — заказывай, поужинаем вместе.

Дин Цзыму пообещал хорошо отдохнуть, и Ян ушел. После его ухода Дин Цзыму еще раз крепко заснул и проснулся уже к полудню. Дождь прекратился, небо стало ярко-синим, светило солнце. Дин Цзыму почувствовал себя окончательно здоровым, увидел, что одежда, которую он стирал позавчера, высохла, переделся и отправился домой.

В старом районе все по-прежнему: повсюду лужи и грязь, в узких переулках разбросаны кирпичи, едва выступающие над водой. Дин Цзыму ловко перешагивал с камня на камень, пробираясь через грязные закоулки. Немногие оставшиеся жильцы держали двери распахнутыми, выметая воду вениками. Кто-то изредка бросал на него равнодушный взгляд и снова возвращался к своим делам.

Дин Цзыму открыл калитку своего арендованного домика — вид был ужасающий. Поколебавшись, он снял обувь и босиком ступил в мутную жижу. Осторожно дойдя до двери, он увидел, что внутрь тоже натекло воды, но его это не волновало. Он распахнул шкаф и, увидев, что маленькая коробочка на месте, с облегчением выдохнул.

Все остальное неважно, главное — коробочка цела.

Дин Цзыму открыл дверь настежь, взял веник и совок, принимаясь за уборку двора. Провозившись до самого вечера, он привел двор в относительный порядок. Посмотрев на часы, он взял пару вещей и снова отправился к дому Яна. Наступал час пик, город замер в пробках. Автобус медленно полз с юга на север. Дин Цзыму смотрел в окно на спешащих домой людей и

вспомнил слова Яна: «Вернись домой, поужинаем вместе».

«Поужинать вместе дома» — никто и никогда не говорил ему таких слов, и Дин Цзыму был взволнован. Пусть это не его дом, но сам факт того, что кто-то ждет его к ужину, делал его по-настоящему счастливым.

Рядом с домом Яна был рынок. Дин Цзыму зашел туда, купил продуктов. Хотя он специализировался на западной выпечке, в училище их учили готовить блюда разных кухонь. Он решил приготовить хороший ужин — впервые в жизни по-настоящему «домашний».

На выходе с рынка ему позвонил Ло Ян. На фоне было шумно, судя по звукам — автобусная остановка.

— Муму, как ты? — прогремел голос Ло Ян.

— Хорошо. Мы же только виделись недавно, разве нет?

— Да, но позавчера мне звонила учитель Фэн, сказала, что водила тебя к врачу. Результаты есть?

— Нет, — Дин Цзыму и сам нервничал, — жду.

— Как будут — сообщи, — быстро затараторила Ло Ян. — Муму, я звоню по важному делу. Ты все еще живешь в тех руинах?

— Не такие уж это руины, — рассмеялся Дин Цзыму. — Мне нормально.

— Нормально ему! — отрезала Ло Ян. — Муму, я нашла тебе жилье. Переезжай.

Дин Цзыму по привычке хотел ответить: «Спасибо, не стоит беспокоиться», но тут вспомнил слова Яна: «Думай о себе» и «Если ты живешь хорошо, то не создаешь проблем другим». Поэтому он переспросил:

— Какая квартира? В чем дело?

— Ты согласился?! — голос Ло Ян взлетел от радости. — Переезжай на этой неделе!

— Погоди, погоди, — засмеялся Дин Цзыму. — Когда я успел согласиться?

— Если не отказался — значит согласился! — Ло Ян не сдержала крепкого словечка. — Ничего себе, ты впервые согласился на мое предложение!

— Кто сказал? Я всегда соглашаюсь на твои просьбы.

— Я не об этом. Раньше ты соглашался, только когда я просила тебя о чем-то. А когда я хотела помочь тебе — ты всегда отказывался. Такое чувство, что ты просто не выносишь, когда к тебе относятся по-доброму.

Дин Цыму самокритично усмехнулся. Неужели он производит такое впечатление?

— Рассказывай, что там за вариант.

Ло Ян зашебетала, объясняя ситуацию. Оказывается, после того как она нашла работу, она снимала двухкомнатную квартиру с другой девушкой. Квартира на севере города, условия хорошие, арендная плата пополам — вполне доступно. Недавно та девушка уехала на родину, и Ло Ян тут же подумала о Дин Цыму. Будут жить вместе, помогать друг другу, делить расходы — сплошная выгода.

— Муму, удобно же, правда? — восторженно вещала Ло Ян. — Пусть аренда чуть дороже твоих руин, зато это нормальное жилье, а не декорации к фильму ужасов.

Дин Цыму был тронут. Ему действительно нужно было жилье, и Ло Ян — идеальный вариант. Они знакомы почти двадцать лет, как брат и сестра, никакой неловкости или конфликтов. К тому же, по сравнению с ним, Ло Ян со своим прямым характером была куда больше похожа на мужчину.

Коллеги в пекарне всегда говорили, что его характер мягче, чем у девицы! Дин Цыму до сих пор не понимал, что значит «мягкий». Разве «добрый нрав» — это мягкость? Да и кто сказал, что у девушек характер «мягкий»? Взять хоть Ло Ян — она же как реактивная установка!

Но разговор с Яном заставил его осознать проблему: некоторые вещи на самом деле просты. Кивни «да», качни головой «нет», если не знаешь, что сказать — улыбнись. В этом мире никто не требует от тебя безоговорочных уступок. Ничье сердце не сделано из хрупкого стекла, которое так легко разбить. И если уж ты сам не позволяешь другим ранить себя, то как можешь ранить их? Раньше он просто «слишком много думал». А если называть вещи своими именами — был «бесхребетным и жеманным».

Дин Цыму решил, что должен стать «тверже». Как сказал учитель Ян, только став твердым душой, можно обрести мужество, чтобы встретиться со своей «болезнью» лицом к лицу.

Дин Цыму посмотрел на небо. Несмотря на вечер, солнце все еще слепило. Вчерашняя серость и подавленность исчезли, время снова казалось светлым. Он улыбнулся и спросил:

— Ло Ян, сколько ты хочешь с меня за аренду? Мы же так давно знакомы, а я только что потерял работу, сделай скидку, а?

— Полторы тысячи... черт! — Ло Ян не выдержала и выругалась. — Дин Цыму, у тебя что, раздвоение личности?

— Это у тебя раздвоение, — рассмеялся Дин Цыму. — Зачем ругаешься?

— Мы знакомы столько лет, и, кроме случаев, когда ты в приюте клянчил у меня мелки, ты впервые о чем-то просишь. Надо записать этот день в календарь.

— Так это отказ или согласие, госпожа Ло? — поддразнил ее Дин Цыму. — Скажи прямо.

— Согласие! — заорала Ло Ян. — Ты платишь тысячу, я — две, но главная спальня моя.

— Идет. А я буду готовить еду.

<http://bllate.org/book/19775/1948322>